

№

АНТРАКТЪ

18.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногороднихъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: По поводу бенефиса г. Ѳедотова. — Бенефисъ г. Савелова. — Артистическій Кружокъ. — Смѣсь. (Высочайшія награды. Подарки. О театрѣ Петровскаго парка. Одобренныя пѣсы. Новая опера. О новомъ балетѣ. Балетная труппа въ Вильнѣ. Извѣстіе о г-жѣ Гранцовой. Новые переводы Шекспира. Процессъ за фотографическія карточки). — Некрологъ (А. М. Геденовъ).

ПО ПОВОДУ БЕНЕФИСА Г. ѲЕДОТОВА.

Сила преданія — великая сила. Какая бы огромная часть того общечеловѣческаго достоянія, которое преемственно наследуется потомками отъ предковъ, оказалась недоступною и сгинувшею, если бы сила преданія вдругъ перестала быть силою дѣйствующею! Нѣтъ рода, нѣтъ сферы человѣческой дѣятельности, которая въ большей или меньшей степени не нуждалась-бы для уцѣловѣченія своей производительности въ охраняющей силѣ преданія. Мы называемъ силу преданія — *охраняющею* силою, такъ какъ ею возмѣщается несовершенство человѣческой памяти и недолговѣчность матеріальнаго существованія. Искусства также нуждаются въ этой охраняющей силѣ и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ меньше проченъ и надеженъ матеріалъ, которымъ то или другое искусство располагаетъ. А какое искусство болѣе драматическаго *нищетъ на водѣ*? Какое искусство, какъ не драматическое, имѣетъ въ средствахъ своихъ менѣе надежный и болѣе непрочный матеріалъ? Произведенія искусствъ словеснаго и тоническаго — живучи, благодаря тому, что слово и звукъ имѣютъ для выраженія своего совершенно опредѣленные знаки, въ которыхъ сохраняются и проходятъ они черезъ цѣлыя тысячелѣтія; пластическія искусства вѣряютъ произведенія свои камню, дереву, металламъ, краскамъ, — также матеріаламъ болѣе или менѣе прочнымъ, способнымъ сохраняться въ теченіе очень продолжительныхъ періодовъ времени. Матеріалъ драматическаго искусства, которое, по всѣмъ правамъ, должно быть отнесено къ искусствамъ пластическимъ, заключается въ живомъ человѣкѣ; а много ли на свѣтѣ скоротечнѣе и случайнѣе жизни человѣческой? Мудрено-ли по этому, что о какой-нибудь, тремя тысячелѣтіями отдѣленной отъ насъ хеопсовою пирамидѣ мы знаемъ болѣе, чѣмъ иногда объ актерѣ, три десятилѣтія тому назадъ сошедшемъ со сцены. Мы, напр., почти невидѣвшие Мочалова, или видѣвшие его въ очень раннемъ дѣтствѣ, не имѣемъ и, къ сожалѣнію, не можемъ составить себѣ понятія объ этомъ

геніальномъ дѣятелѣ московской сцены не только по слухамъ и разговорамъ о немъ, но даже и по такимъ статьямъ Вѣлинскаго, какъ напр. статья его: «Мочаловъ въ роли Гамлета», статья, которая намъ, не имѣющимъ возможности проверить и дополнить ее личными впечатлѣніями, кажется полною неприимиримыхъ противорѣчій. Со смертію актера исчезаютъ со сцены и всѣ созданныя и игранныя имъ роли его; память объ этихъ роляхъ живетъ еще нѣкоторое время въ видѣвшихъ игру умершаго актера и наслаждавшихся ею, но туго сообщается путемъ простаго пересказа невидавшимъ его, и можно безъ ошибки сказать, что произведенія творчества актера вымираютъ вмѣстѣ съ поколѣніемъ его современниковъ. Нужно ли однако жалѣть объ этомъ и можно-ли этому помочь чѣмъ-нибудь? Нужно и можно. На всякой мало-мальски установившейся и не безъ года недѣлю просуществовавшей сценѣ могутъ и должны быть такіа драматическія произведенія, которые составляютъ ея лучшее достояніе, ея на вѣчныя времена положенный капиталъ, ея гордость и украшеніе. Будетъ ли кто-нибудь сомнѣваться, что успѣхъ всякаго драматическаго произведенія всегда и непременно обусловливается столько-же достоинствами самаго произведенія, сколько и достоинствами сценическаго исполненія? Развѣ не у каждаго изъ насъ наготовѣ много примѣровъ того, что нерѣдко одною и тою же ролью одинъ актеръ приводитъ зрителей въ восторгъ, а другой наводитъ на нихъ неопisanную скуку? Итакъ, не слѣдуетъ ли изъ этого, что чѣмъ болѣе цѣнно то или другое драматическое произведеніе, чѣмъ болѣе дорожить имъ та или другая сцена, тѣмъ болѣе эта сцена должна обезпечить за такимъ произведеніемъ на возможно продолжительное время его успѣхъ? А чѣмъ можетъ она достигнуть этого, какъ не сохраненіемъ условій того первоначальнаго исполненія, которому драматическое произведеніе на половину было обязано своимъ успѣхомъ? Съ текстомъ произведенія ничего не сдѣлается, онъ останется во всей его неприкосновенности; но кто поручится, чтобы новая жизнь, внесенная новымъ исполните-